

Антонина Мартыненко. «Опыт Русской Анфологии» М. Яковлева в литературном контексте 1820-х годов	115
Алексей Балакин. Из разысканий о литературном окружении молодого Гончарова: поэт Яков Щеткин	130
Анастасия Басенко. Н. А. Полевой – водевилист	154
Ирина Шевцова. Герой Жорж Санд в формировании религиозного умонастроения А. А. Григорьева	163
Марсель Хамитов. Фельетонный извод античного жанра: рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок»	169
Дарья Сапрыкина. Об одном упоминании «Лунной» сонаты Л. ван Бетховена в рассказе А. П. Платонова «Невозможное»	181
Владимир Емельянов. Вавилонская социалистическая революция (обисточниках пьесы А. Г. Глебова «Загмук»)	190
Виктория Буяновская. «Осмысленный абсурд» в стихотворении В. Ф. Ходасевича «Окна водвор»	207
Ани Петрс. Признаки фикциональности в литературной мистификации (на примере «Велесовой книги»)	221

Тираж 500 экз.

2016 XII (2)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2016 (2)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2307-5945 = Letná škola

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Информация об авторах

Антонина Мартыненко, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. antonina.martynenko1995@gmail.com

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. balakin@inbox.ru

Анастасия Басенко, аспирант Ивановского государственного университета, Иваново, Россия. anastasiabasenko@mail.ru

Ирина Шевцова, аспирант Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. shevtsovai1991@mail.ru

Марсель Хамитов, студент национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. marselblabla@mail.ru

Дарья Сапрыкина, студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. dash.saprykina2010@yandex.ru

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. banshur69@gmail.com

Виктория Буяновская, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. vbuyanovskaya@gmail.com

Ани Петрс, аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. alexany@mail.ru

МАРСЕЛЬ ХАМИТОВ
(Москва)

ФЕЛЬЕТОННЫЙ ИЗВОД АНТИЧНОГО ЖАНРА: РАССКАЗ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БОБОК»

В статье предпринята попытка анализа рассказа Ф. М. Достоевского «Бобок» в аспекте жанра разговоры в царстве мёртвых. Контурно намечено его развитие на русской почве и функционирование отдельных элементов жанровой поэтики в газетно-журнальном контексте 1870-х годов. Проанализировано жанровое влияние этого фельетонного контекста на рассказ Достоевского и на отдельные творческие решения писателя.

Ключевые слова: творчество Ф. М. Достоевского, «Бобок», жанр «разговоры в царстве мёртвых», газетные фельетоны 1870-х годов.

The article's aim is to analyze Dostoevsky's story «Bobok» in the aspect of the genre talkings of the dead. The outline of the genre evolution on the material of Russian literature and the functioning of the concrete elements in the publicism of 1870-s is presented. The influence of this publicistic context on Dostoevsky's story and on his concrete devices is examined.

Key words: F. M. Dostoevsky's works, «Bobok», the genre talkings of the dead, newspaper feuilletons in 1870-s.

К жанру с говорящим названием «разговоры в царстве мёртвых» (далее для удобства — просто «разговоры») фантастический рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок» отсылает уже на сюжетном уровне: его центральную часть составляет полилог мертвецов на кладбище, случайным слушателем которого оказывается нарратор. Однако использование средств этого жанра, недостаточно изученного в русском литературоведении, даёт гораздо больше художественных возможностей, не исчерпываемых сюжетной схемой. Более того, мы постараемся показать, что активно публиковавшиеся в 70-х годах XIX века («Бобок» был опубликован в 1873-м) газетно-журнальные образцы разговоров — которые, на самом деле, в силу их существенной девиации от прежнего канона, уже сложно однозначно дефинировать как жанровые образцы —

предоставляли писателю возможность максимально ёмко и сконцентрированно изобразить магистральную в творчестве Достоевского тему нравственного и морального падения человека.

Следует отметить, что немногочисленные исследовательские работы,¹ посвящённые «Бобку» (а рассказ, поначалу негативно воспринятый современниками,² привлёк внимание литературоведов сразу после выхода книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского»), вслед за Бахтиным рассматривают жанр разговоров как периферийный и малозначащий для анализа рассказа. Показательными нам кажутся многочисленные неточности, допущенные Бахтиным и другими исследователями (например, В. А. Тунимановым).³ Изучение поэтики жанра и его рецепции в русской литературе, несомненно, является важной (и масштабной) задачей. Однако, поскольку сколько-нибудь полное восстановление истории разговоров выходит за пределы этой статьи, мы, контурно наметив жанровое развитие, сосредоточимся на его отголосках в газетно-журнальных текстах 70-х годов XIX века

¹ Стоит обратить внимание, кроме рассматриваемых далее работ Е. Г. Исаченко, на монографию итальянской исследовательницы Н. Марчалис «Харон и Екатерина. Диалоги мёртвых в русской литературе XVIII века» (*Marcialis N. Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo*. Roma, 1989), которая, к сожалению, не переведена на русский язык (однако доступна рецензия на эту монографию: *Стенник Ю. В., Николаев А. И.* Жанр «диалога в царстве мёртвых» в русской литературе XVIII века // *Русская литература*. 1990. № 2. С. 240–244).

² Вот характерный отзыв журнала «Дело» (отдел «Журнальное обозрение»): «...г-н Достоевский повествует, как на кладбище он подслушал разговоры погребённых уже покойников <...> самый уже выбор таких сюжетов производит на читателя болезненное впечатление и заставляет подозревать, что у автора что-то неладно в верхнем этаже» (Дело. 1873. № 12. С. 102).

³ Например, Бахтин, акцентируя внимание читателя исключительно на античных «разговорах» (в частности, лукиановских), о российских образцах жанра упоминает лишь как о переводах и подражаниях, а не самостоятельных произведениях (называя почему-то только Сумарокова и Суворова). Туниманов, поправляя Бахтина, указывает ещё М. Д. Чумакова и М. Н. Муравьёва (обходя молчанием М. В. Ломоносова, М. М. Хераксова, В. А. Приклонского и др.), а сам жанр *разговоров в царстве мёртвых* относит исключительно к XVIII веку, что фактически неверно (например, «Два разговора в царстве мёртвых» М. Н. Муравьёва написаны в 1810 году).

(и здесь методологически важной для попытки диахронического анализа кажется именно книга Бахтина) и посмотрим, какие художественные возможности дают писателю средства этого жанра.

Корни разговоров восходят ещё к античности. Родоначальником жанра считается Лукиан Самосатский (II век н. э.), древнегреческий писатель, чьи известные «разговоры в царстве мёртвых», переведённые на множество европейских и русский языки, и дали название жанру.¹ Современная исследовательница русских разговоров Е. Г. Исаченко, опираясь на классификацию французского коллеги М. Анришо, выделяет следующие признаки античных разговоров: текст является (за крайне редкими исключениями) прозаическим; произведение обычно имеет небольшой объём; в сюжете сохраняется единство действия, места (языческий ад) и внутреннего времени; участниками выступают мёртвые люди; подобный диалог и сама встреча собеседников невозможна в реальном мире, однако при этом участники разговора должны быть узнаваемы для читателя.² Кроме того, во многих «разговорах» Лукиана, несмотря на их эксплицированную дидактику, чётко прослеживается сатирическая составляющая (направленная как на изжившие себя языческие представления о богах Олимпа, так и на религиозную ортодоксию молодого христианства), и в этом отношении разговоры в царстве мёртвых — преемники античных комедий (из которых наиболее показательна, конечно, «Лягушки» Аристофана).³

Несмотря на то, что центральная часть «Бобка» по формальным признакам жанра, перечисленным Исаченко, во многом близка к классическим разговорам в царстве мёртвых

¹ Подробнее см.: *Ант С. К.* Лукиан // История греческой литературы. М., 1960. Т. 3. С. 231–233, 240.

² *Исаченко Е. Г.* «Разговоры в царстве мёртвых» А. П. Сумарокова // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2014. Вып. 5. С. 115. Мы выражаем благодарность Е. Г. Исаченко, позволившей нам познакомиться с текстом статьи М. Анришо (к сожалению, на данный момент недоступной в России) «Le dialogue est-il un genre? L'exemple du dialogue des morts», на которую ссылается исследовательница в своей работе.

³ Подробнее см.: *Гиленсон Б. А.* Происхождение и развитие комедии. Аристофан // Гиленсон Б. А. Античная литература. М., 2001. С. 240–241.

(например, по самой диалоговой форме, единству места и времени, невозможному в обычных условиях разговору мёртвых людей и т. д.), непосредственное знакомство Достоевского с античными текстами представляется весьма сомнительным.¹ Логичнее предположить, что Достоевский был знаком с переводами Лукиана (зачастую вольными), сделанными ещё «корифеями» XVIII века — М. В. Ломоносовым и А. П. Сумароковым, а также с их оригинальными разговорами в царстве мёртвых. При этом отметим, что центральная часть «Бобка» существенно отличается от ломоносовской традиции (представляющей собой «калькирование» античных образцов), от которой достаточно трудно провести прямую линию к тем элементам разговоров в царстве мёртвых, что присутствуют в рассказе Достоевского. Следовательно, после ломоносовских опытов должно было происходить развитие жанра и его видоизменение на почве русской литературы.

Важнейшей вехой на этом пути стали, по нашему мнению, четыре диалога Сумарокова, опубликованные под собирательным названием «Разговоры мёртвых» в «Трудолюбивой пчеле» в мае 1759 года. Они представляют собой уже не подражания и переводы, а самостоятельные произведения. Сумароков отходит от жанрового канона и делает действующими лицами не реальных исторических лиц или мифологических персонажей и богов (что было едва ли не обязательным условием традиции), а социальные типы² (в этом отношении «Бобок» по социально-профессиональной типич-

¹ Ни с Мениппом, ни с Лукианом, судя по «Библиотеке Достоевского», изданной Л. П. Гроссманом (*Гроссман Л. П.* Библиотека Достоевского: По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919; более полный список представлен в издании: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / Отв. редактор Н. Ф. Буданова. СПб., 2005), писатель, скорее всего, напрямую знаком не был. Более того, «Разговоры Лукиана Самосатского» в переводе И. Сидоровского и М. Пахомова издавались почти за сто лет до выхода «Бобка» — в 1775–1784 годах, а следующее издание сочинений Лукиана (в переводе В. Алексеева) вышло уже после смерти Достоевского — в 1889–1891 годах.

² Сходный тезис выдвинула Е. Г. Исаченко: *Исаченко Е. Г.* «Разговоры в царстве мёртвых» А. П. Сумарокова. С. 109.

зации персонажей гораздо ближе к сумароковской, а не антично-ломоносовской традиции).

Уже в первой половине XIX века происходит разложение поэтики разговоров на отдельные жанровые элементы, которые начинают функционировать в художественных системах других жанров (в том числе и непоэтических, что совсем не характерно для античной традиции) — особенно активно, в силу задаваемого ирреального сюжета (разговор оживших мертвецов) и художественного пространства (языческий ад, кладбище и т. д.), в произведениях, так или иначе использующих элемент фантастического (как наиболее знаковые и показательные можно выделить, например, «Видение на берегах Леты» (1810) К. Н. Батюшкова, «Гробовщик» (1830) А. С. Пушкина и «Живой мертвец» (1844) В. Ф. Одоевского). Сатирически-памфлетная направленность российской традиции «разговоров» оказалась чрезвычайно релевантной для газетно-фельетонных текстов. В них продолжалось развитие и изменение традиции разговоров — и именно её «фельетонное» ответвление, как мы покажем, во многом обусловило жанровое своеобразие рассказа «Бобок», его жанровый сдвиг.

* * *

Здесь прежде всего следует подчеркнуть, что «Бобок» вписан в широкий контекст газетных фельетонов; он является рассказом *художественно-публицистическим* (мы пользуемся дихотомией «художественного» и «публицистического» как необходимым анахронизмом — самими писателями эта разница ощущалась совершенно иначе¹). «Публицистичность» рассказа подчёркнута самим Достоевским: являясь, несомненно, полноценным и самобытным художественным произведением, «Бобок» в то же время составляет органичную часть публицистического сборника «Дневник писателя», выходявшего в 1873–1881 годах на страницах политической и литературной газеты-журнала «Гражданин» (редактором

¹ Автор благодарит К. Ю. Зубкова, высказавшего это важное замечание после доклада автора статьи на заседании XII Международной летней школы по русской литературе.

которой Достоевский стал всего лишь за пару месяцев до издания «Бобка» — в декабре 1872 года). Попробуем понять, в каком контексте создавался рассказ и как это «окружение» могло повлиять и на отдельные творческие решения Достоевского (в частности, на обращение к «забытому» жанру разговоров — ушедшему, согласно тыняновской терминологии, на периферию).¹

Безусловно, главный жанрообразующий элемент, позволяющий говорить об обращении Достоевского к «разговорам в царстве мёртвых», — это само использование в качестве действующих лиц (и участников диалога) мёртвых людей, способных — хотя бы физически — вести себя подобно обычным людям. Однако наиболее показательна в фельетонных образцах разговоров 1870-х годов социальная типизация «мертвецов» — жанровый элемент, уже со времён Сумарокова ставший отличительной (в сравнении с антично-ломоносовским рядом) чертой русских разговоров в царстве мёртвых. Так, в двух июльских выпусках «Петербургской газеты» 1872 года выходила «драма в пяти действиях с прологом и эпилогом» «Холера» Л. Маякова — примечательно, что именно в колонке «Фельетон Петерб. Газеты». Уже в списке действующих лиц наряду с социальными типами (как названными, так и безымянными) — «Бедный мещанин», «Предводитель дворянства», «редактор», «Амалия Шульц, жена аптекаря» и т. д. — указаны такие персонажи, как «мертвецы», «живая покойница». Социальная типизация, а именно характерная для разговоров тема нивелирования социального неравенства смертью, отражается и в «Бобке» (в словесной перепалке Клиневича и генерала Перводова):

- И, во-первых, господа, какой он здесь генерал? Это там он был генерал, а здесь пшик!
- Нет, не пшик... я и здесь...

¹ Мы коснёмся только жанрового влияния фельетонного контекста на рассказ Достоевского. Конкретные переключки полемической части «Бобка» с реальными нападкаками фельетонистов на Достоевского и «Гражданин» уже были рассмотрены другими исследователями. См., например: *Туниманов В. А.* [Примечания к рассказу «Бобок»] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 402–411.

— Здесь вы сгниете в гробу, и от вас останется шесть медных пуговиц.¹

Маяков метафорически описывает приезд ревизоров (прямо коррелирующий с известной пьесой) в уездный городок как приход чумных болезней — главными героями выступают «Г-жа Холера» и её брат «Г-н Тиф». Показательно, что в этом эпилоге герои драмы «Холера» ведут себя практически так же, как персонажи «Бобка». Когда «г-жа Холера» и «г-н Тиф», своими руками убившие этих людей, решают «нарушить мертвых сон отрадный / и их сюда на *смотри парадный* / всех пригласить», мертвецы встают из своих могил *с восторженными криками «Ура! Ура!»* (такими громкими и бесстыдными, что даже «луна из ужаса прячется за тучу»²), напоминающими жуткий могильный восторг героев Достоевского.

Но наиболее значителен устойчивый в фельетонных разговорах мотив, совершенно не характерный для предыдущей жанровой традиции, — мотив разврата. Мертвецы на кладбище в драме Маякова не только «веселятся», но и пытаются предаться, по выражению Достоевского, «разврату последних упований» — правда, в отличие от персонажей «Бобка», безуспешно. Так, сатирически описывается поведение покойницы Амалии Шульц (уже в списке действующих лиц снабжённой характеристикой: «Немка сладострастного темперамента»), пытающейся перелечь в гроб к доктору Гибнеру: «Какие нынче кавалеры! / От дам, как от чумы, бегут... / Христьян Иваныч, где вы, бука? / Вам одному лежать не скука?»³

Интересно, что Амалия Шульц чрезвычайно сильно напоминает героиню рассказа «Бобок» — Авдотью Игнатьевну, точно так же и после смерти не потерявшую извращённое сладострастие. Именно Авдотья Игнатьевна первой восторженно откликается на призыв Клиневича перестать стыдиться: «Ах, как я хочу ничего не стыдиться! — с восторгом

¹ Достоевский Ф. М. Бобок // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 53.

² Маяков Л. Холера // Петербургская газета. 1872. № 102. 8 июля.

³ Там же // Петербургская газета. 1872. № 103. 9 июля.

воскликнула Авдотья Игнатьевна».¹ Повторяется и эпизод с неудачной попыткой завлечь к себе в могилу мужчину (в «Бобке» это только что помещённый на кладбище робкий и очень молодой парень): «Милый мальчик, милый, радостный мальчик, как я тебя люблю! — восторженно взвизгнула Авдотья Игнатьевна. — Вот если б такого подле положили!»².

Другой устойчивый в фельетонном пространстве разговор социально-нравственный тип — это литератор. «Литературная злободневность» — традиция, идущая от «Лягушек» Аристофана к «Медику и стихотворцу» Сумарокова и «Видению...» Батюшкова, — в фельетонах чрезвычайно актуализируется и, можно сказать, достигает своего апогея. В «Холере» иронично описывается образ безымянного «редактора» — вот его заключительные слова (произносимые уже после смерти, из могилы): «Живу без нужды, / Доволен, / Что бросил свой пакостный „Листок“...».³

Отсылает ли этот полемический выпад — как и у «обиженного» литератора в «Бобке» — к уже упомянутой фельетонной рубрике Никола Адмирари (Панютина) в «Голосе» или к любому другому из многочисленных «Листков», не представляется важным. Характерен сам факт, что литературная злободневность российских разговоров в царстве мёртвых, заданная произведениями Сумарокова и Батюшкова, не только сохранилась, но и усилилась в репликах жанра 1870-х годов. Примечательно, что она сохранится и в тех образцах, которые выйдут уже после публикации «Бобка». Так, например, в той же «Петербургской газете», где была напечатана драма «Холера», в течение нескольких лет выходили фельетоны Н. А. Лейкина «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Ямакова». В одном из сюжетов герой попадает в ад (почти дантовский), где происходят диалоги Ямакова с Вергилием и другими умершими литераторами. Характерно, что Лейкин сатирически описывает как различные социальные типы, так и развратных

¹ Достоевский Ф. М. Бобок. С. 52.

² Там же. С. 48.

³ Маяков Л. Холера // Петербургская газета. 1872. № 102. 8 июля.

женщин (напоминающих Амалию Шульц и Авдотью Игнатьевну) и — что достаточно показательно — конкретных литераторов: так, описывается, что в аду «срослись» в единое тело и разум Достоевский и князь Мещерский, два редактора «Гражданина».¹

Наконец, показателен ещё один жанровый элемент, отсутствующий в предыдущей традиции, — устойчивый топос кладбища. У самого Панютина в одном из его «Листков» (на сюжетную близость этого фельетона рассказу «Бобок» указывал ещё В. А. Туниманов) описывается случай, по своей фабуле практически идентичный сюжетной канве «Бобка»: фельетонист приходит на Смоленское кладбище, где устраиваются народные гуляния. Важно, что в фельетоне Панютина топос кладбища связывается с мотивом разврата (как физического, так и нравственного), описание бесстыдных шабашей прерывается ироническим замечанием рассказчика: «Конечно, не совсем прилично устраивать оргии на могилах усопших. Но снисходительные покойники, вероятно, не обижаются этим».² Следом за этой ироничной сентенцией возникает фантастическая ситуация разговора фельетониста с мертвецом, внезапно восставшим из могилы. Топос кладбища, как мы видим, необходим как наиболее реалистическое «условие» фантастического момента.

Ситуация в «Бобке», как уже указывалось, оказывается гораздо герметичнее: невозможно понять, были ли это галлюцинации спившегося неудачливого писателя или условия иной, фантастической реальности. Здесь особо актуализируется топос кладбища: он важен уже не как «обоснование», а как топос со своей собственной — и очень яркой — мифологемой. Для большинства читателей это место ассоциативно

¹ См.: Петербургская газета. 1873. № 127. 16 дек. Интересно, что Н. А. Лейкин в многочисленных фельетонах (и прежде всего как раз в серии про Касьяна Ямакова) постоянно «нападал» на Достоевского. Например, по поводу статьи «Среда» из «Дневника писателя» Лейкин утверждал, что Достоевский «убил себя наповал фразой „очистительное влияние каторги“» (Там же. № 18. 4 фев.). Лейкин, очевидно, читал и номера «Гражданина», и «Дневник писателя» — и, вероятнее всего, был знаком с рассказом «Бобок».

² Голос. 1870. № 211. 2 авг.

соотносится с чем-то страшным, но заповедным и даже священным — и потому сатирические фельетоны, в которых этот топос «утилизируется» для совершенно бытовых и резко антисвященных действий (таких, как разврат), оказываются хоть и несколько эпатажными, но чрезвычайно эффективными по силе сатирического изображения и публицистического воздействия. Достоевский использует тот же гротескный прием уже для воздействия художественного (анти-эстетического), достигаемого именно за счёт обращения к фельетонной традиции разговоров: заданная «высокая» сюжетная схема — обсуждение неких проблем ожившими мертвецами на кладбище — резко контрастирует с изменчивостью помыслов участников диалога. Читательские ожидания, вызванные, с одной стороны, самой «высокой» мифологемой кладбища, с другой — классической традицией разговоров в царстве мёртвых (герои которых, известные исторические деятели, были «воскрешены» авторами для решения глубоких историко-культурных вопросов), оказываются обманутыми, и именно этот эффект резкого снижения заявленного уровня (даже не «высокого», а «высшего») вызывает ощущение, которое Андрей Белый назвал «срыванием всего святого».¹

Мы можем подытожить, что Достоевский не создаёт новый образец существующего жанра, а использует отдельные элементы современной ему фельетонной традиции разговоров в царстве мёртвых, встраивая их в нехарактерную для них функциональную систему художественного (а не публицистического) произведения. Этот перенос жанровых элементов в иную художественную парадигму Достоевскому необходим, именно он позволяет передать гротескную разницу между высшим, посмертным миром и низменными желаниями попавших туда людей. Жанровая традиция подсознательно толкает читателя на ожидание разговора живых мертвецов о важнейших историко-культурных проблемах, однако рассказчик выносит неутешительный вердикт: даже посмертная жизнь, дарованные «последние мгновения сознания» не спо-

¹ *Белый А.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., 1911. С. 42.

собны излечить нравственно и моральных больных людей, которым смерть лишь даёт освобождение от «социальных условностей». Как и в «сумароковской», и в фельетонной традициях, в рассказе Достоевского отражено нивелирование социальных страт смертью, однако «социальная свобода» даёт совсем не высшую свободу нравственную, выражающуюся лишь в полном отказе от этой нравственности. Поместив своих героев в жанровую схему разговоров в царстве мёртвых, Достоевский как бы «проверяет» их — и рисует едва ли не апокалиптическую (по крайней мере, в духовно-нравственном отношении) картину.¹ Именно жанровые элементы фельетонных разговоров дают Достоевскому богатый потенциал для наиболее сильного художественного изображения безнадёжной низости человеческого духа: встроенные в контекст современной публицистики, эти разговоры оказываются обострённым гротеском, отражающим неестественное, болезненное состояние изображенного в «Бобке» общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Апт С. К.* Лукиан // История греческой литературы. Т. 3. М., 1960. С. 219–241.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
3. *Белый А.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., 1911.
4. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / Отв. редактор Н. Ф. Буданова. СПб., 2005.
5. *Гиленсон Б. А.* Происхождение и развитие комедии. Аристофан // Гиленсон Б. А. Античная литература. М., 2001. С. 240–241.
6. *Гроссман Л. П.* Библиотека Достоевского: По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
7. *Достоевский Ф. М.* Бобок // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 41–54.
8. *Исаченко Е. Г.* «Разговоры в царстве мёртвых» А. П. Сумарокова // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2014. Вып. 5. С. 100–118.

¹ Но с одним из возможных «позитивных» прочтений рассказа — в дуалистической связке со «Сном смешного человека» — можно познакомиться в след. статье: *Милнер-Галланд Р., Соболева О.* Что происходит в рассказе «Бобок»? // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 293–313.

9. *Лейкин Н. А.* Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Ямакова // Петербургская газета. 1873. № 127. 16 дек.
10. *Маяков Л.* Холера // Петербургская газета. 1872. № 102, 103. 8, 9 июля.
11. *Милнер-Галланд Р., Соболева О.* Что происходит в рассказе «Бобок»? // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 293–313.
12. *Стенник Ю. В., Николаев А. И.* Жанр «диалога в царстве мёртвых» в русской литературе XVIII века // Русская литература. 1990. № 2. С. 240–244.
13. *Туниманов В. А.* [Примечания к рассказу «Бобок»] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 402–411.
14. *Marcialis N.* Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. Roma, 1989.